

БИБЛЕЙСКИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ПРОЗЕ ПАВЛА УЛИТИНА (НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ «МАКАРОВ ЧЕШЕТ ЗАТЫЛОК»)

Е. М. Кирякова, Г. Д. Распаева

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

Статья посвящена исследованию библейских прецедентных феноменов в книге Павла Улитина «Макаров чешет затылок». На основе теории прецедентности и интертекстуальности авторами анализируются трансформации библейских имён, высказываний, текстов и ситуаций в ассоциативном, фрагментарном нарративе Улитина. Были обнаружены все виды прецедентных феноменов, сферой-источником которых является Библия: прецедентные имена (Понтий Пилат, Богородица Мария, Валтасар, Навуходоносор и другие), тексты (Ветхий и Новый Заветы), высказывания и ситуации, – содействующих раскрытию центрального мотива книги – судьба писателя в условиях преследования за идеи, не соответствующие рамкам цензуры. В ходе анализа были применены описательный метод, контекстуальный анализ и другие. По итогам проведенного исследования сделаны выводы о том, что библейские прецедентные феномены становятся неотъемлемой составляющей ассоциативно-фрагментарного нарратива. Они являются частью культурного кода и механизмом диалога культур, отсылают читателя к произведениям русской и зарубежной литературы, проводят мотив жертвенного служения искусству и противостояния писателя и системы. Таким образом, библейские прецедентные феномены становятся важной особенностью авторской стратегии и помогают читателю лучше понять интенцию автора.

Ключевые слова: Павел Улитин, постмодернизм, христианство, прецедентные феномены, Библия.

Введение

Традиционно религиозные тексты служили основой для новых метафор, символов и аллюзий в литературе. Диалог между текстом и религиозной традицией углубляет смысл текста, делает акцент на духовном аспекте существования человека [1–3]. Библейские прецедентные феномены часто встречаются в литературных текстах, создавая дополнительные смысловые слои и подтексты [4, 5].

Данная статья посвящена исследованию библейских прецедентных феноменов в книге Павла Улитина (1918–1986) «Макаров чешет затылок». Писатель не был известен при жизни [6], его произведения дважды публиковались за рубежом, после смерти писателя в России вышли три книги: в 2002 году была издана книга «Разговор о рыбе», книга «Макаров чешет затылок» вышла в 2004 году, с книгой «Путешествие без Надежды» читатели познакомились в 2006 году.

Книга «Макаров чешет затылок» была написана в середине 1960-х годов. С первых страниц произведения автор погружает читателя в плотную среду культурных кодов, где современная ему повседневность сталкивается с мировым художественным пространством, частью которого являются прецедентные феномены, отсылающие читателя к библейским текстам.

Обзор литературы

Термин «прецедентный текст» впервые был употреблен Ю. Н. Карауловым в работе «Русский язык и языковая личность» (1987). Он понимал прецедентные тексты как актуальные для конкретного носителя языка в познавательном и эмоцио-

нальном плане, известные его широкому окружению, включая предшественников и современников, к которым говорящий неоднократно обращается в речи [7].

Развивая идеи Ю. Н. Караулова о прецедентном тексте, исследователи Д. Б. Гудков, В. В. Красных и И. В. Захаренко предложили рассматривать в качестве прецедентных феноменов любые явления, обладающие широкой известностью в лингвокультурном сообществе. Согласно их подходу, такие феномены закрепляются в коллективном сознании и становятся общим достоянием его представителей [8, с. 104]. В то же время Е. А. Нахимова, основываясь на результатах собственного исследования восприятия прецедентных феноменов студенческой аудиторией, сочла уместным уточнить существующее определение. Она предлагает заменить формулировку «известные любому среднему представителю» на более точную – «известные значительной части» лингвокультурного сообщества [9].

Е. А. Нахимова выделяет три ключевых признака прецедентных феноменов: во-первых, их известность значительной части носителей культуры; во-вторых, их актуальность в когнитивном и эмоциональном аспектах; в-третьих, их регулярное обращение в речи членов данного сообщества [9, с. 172].

Д. Б. Гудков и В. В. Красных предложили иерархическую модель прецедентности, включающую в себя четыре уровня. К ним относятся: 1) автопрецедентные феномены, значимые для отдельной личности и её индивидуального ассоциа-

тивного поля; 2) социумно-прецедентные феномены, образующие коллективное когнитивное пространство определённой социальной группы; 3) национально-прецедентные феномены, являющиеся частью национальной когнитивной базы; 4) универсально-прецедентные феномены, входящие в глобальное, общечеловеческое когнитивное пространство [10, с. 103; 11, с. 173]. Прецедентные феномены, источником которых считается Библия, являются универсальными в силу универсально-глобального и всеобъемлющего характера данных феноменов [10].

Согласно В. В. Красных, прецедентная ситуация – это своего рода культурный эталон, хранящийся в коллективной памяти. Это узнаваемый сценарий, который мгновенно вызывает у носителей культуры целый набор привычных ассоциаций и смыслов. Прецедентный текст – это законченное речевое произведение, которое стало общим достоянием. Оно настолько хорошо знакомо типичному представителю культуры, что его можно не воспроизводить целиком, а лишь упомянуть, чтобы вызвать в сознании весь его объём. Прецедентное имя – собственное имя, обладающее прецедентным статусом, представляет собой апелляцию к когнитивной базе реципиента. Выступая в роли сложного знака, данное имя актуализирует не сам денотат, а весь коннотативный комплекс признаков, закреплённых за этим культурным текстом или ситуацией. Прецедентное высказывание – «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной. Это сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу: последний всегда «шире» простой суммы значений» [11, с. 172].

В текстах Павла Улитина прецедентные феномены играют ключевую роль. Как отметила Д. Барышникова, тексты Улитина «строятся / выстраиваются фрагментарно. Улитин называл свою технику “уклейкой” – это принцип монтажа, сводящий в один, но дискретный поток сознания воспоминания, фрагменты монологов, диалогов, цитаты разного рода и на разных языках. Текст отказывается от рамок сюжета и организуется лейтмотивами, соединяемыми ассоциативной логикой» [12, с. 284].

Методы исследования

Методология данной работы базируется на теории интертекстуальности (Ю. А. Кристева, Н. А. Кузьмина, Г. Г. Слышкин и др.), теории прецедентных феноменов (Д. Б. Гудков, В. В. Красных, И. В. Захаренко и др.). В работе применялись методы, позволившие провести многоаспектный анализ: когнитивное исследование, дискурсивный анализ, описательный метод, выявляющий роль библейских прецедентных феноменов в построении сюжетных линий нарратора; контекстуальный анализ, акцентирующий выявление смысловых

преобразований библейских прецедентных феноменов нарратором; были задействованы лингвокультурологические материалы, общенаучные методы обобщения и сопоставления, необходимые для достижения цели работы.

Результаты и дискуссия

Целью данного исследования является анализ библейских прецедентных феноменов в книге «Макаров чешет затылок» Павла Улитина.

В произведениях П. Улитина были обнаружены все виды прецедентных феноменов: имена, высказывания, тексты и ситуации, сферой-источником которых является Библия. Рассмотрим наиболее яркие примеры.

Нарратор использует **прецедентное высказывание** из Нового Завета: «*Ночевать вы должны в Москве! Идеиные механизмы действуют: кво вадис, Доминэ?*» [13, с. 19].

Выражение «Кво вадис, Доминэ?» (лат. Quo vadis, Domine?) из Нового Завета, Иоанна 13:36: «Симон Петр сказал Ему: Господи! **Куда Ты идешь?** Иисус отвечал ему: куда Я иду, ты не можешь теперь за Мною идти, а после пойдешь за Мною». Также этот вопрос был задан апостолом Петром Иисусу Христу в период гонений христиан во время правления императора Нерона. У Улитина это многослойная отсылка не только к библейскому тексту, но и к роману польского писателя Г. Сенкевича «Камо грядеши?», где автор изображает борьбу императора Нерона против христиан, проводя параллель с борьбой Польши за независимость. С одной стороны, прецедентное высказывание является маркером присутствия культурных кодов в тексте (Библия, иностранная литература), с другой стороны, его значение трансформируется. В тексте Улитина он идет после указания («ночевать вы должны в Москве»), что говорит о заранее заданном направлении. Реплика «идеиные механизмы действуют» намекает на то, что никто не может самостоятельно принимать решение. Куда придет такое общество, где фатальность и неизбежность сопровождает человека в существующем пространстве идеологических лозунгов и цензуры, – этот вопрос остается без ответа.

Следующий пример **прецедентной ситуации**, которая актуализируется при помощи **прецедентного высказывания** «пронеси чашу сию мимо меня» и **прецедентного имени** Понтий Пилат: «*Сам-то он иначе смотрит и иначе ощущает. Чашу Отче мимо не пронес. Разговор с Понтием Пилатом был другой*» [13, с. 86].

Продолжая тему божественной природы творчества, нарратор использует трансформированное прецедентное высказывание и делает отсылку к фразе, сказанной Иисусом Христом в Гефсиманском саду: «Авва Отче! все возможно Тебе; пронеси чашу сию мимо Меня; но не чего Я хочу, а чего Ты» (Евангелие от Марка 14: 36). Перед своей мученической смертью Иисус Христос

понимал, что эта «чаша» может миновать его. Однако Он осознавал, что цель Его святой жизни – спасти людей от рабства греха и смерти, т. е. «испить чашу за всех, чтобы посредством ее искупить долги всех людей» [14]. Прецедентное имя **Понтия Пилата** упоминается в Евангелиях от Матфея, Иоанна, Марка и Луки. Он как префект Иудеи санкционировал казнь Иисуса Христа. Его имя является для нарратора символом диалога с властью, который заканчивается принесением творца в жертву системе.

Прецедентное высказывание является одновременно референцией к стихотворению Б. Пастернака «Гамлет» (1946)¹. Иисус пришел, чтобы испить чашу и искупить грехи людей, лирический герой Пастернака, подобно Гамлету, проявляет человеческую слабость и просит пронести чашу мимо него, молит о том, чтобы не становиться жертвой в чужой драме. У Улитина это уже не выбор и не мольба, а констатация свершившегося факта, приговора. Он описывает не драму выбора, а состояние после выбора, которого, возможно, не было. В его понимании личность художника, писателя подобна Христу, но описывает он не Христа, принявшего крест, и не Гамлета, колеблющегося его принять, а творца, который уже пьет свою чашу, став жертвой преследования, приговоров, попыток склонить к молчанию. Поскольку в книге одним из центральных мотивов является мотив противостояния писателей системе, много внимания уделяется судьбе Б. Пастернака, ставшего объектом травли со стороны союза писателей из-за присуждения ему Нобелевской премии по литературе в 1958 году. Таким образом, отсылка к прецедентной ситуации в тексте книги Улитина существует на трех уровнях: уровень культурного кода (как часть библейского текста, как отсылка к стихотворению Пастернака), уровень реальных событий (жизнь Б. Пастернака), параллель с другими современными писателями (диссиденты 1960-х).

Прецедентная ситуация, связанная с Лаодикийской церковью, актуализируется через **прецедентное имя Ангел Лаодикийской церкви**: «И оного дать не можем, поелику не имеем. Так держать, сестра! Человек меняет кожу. Такой

финал. Хорошо Ангелу ЛЦ: ему волноваться нечего. Ему ждать некого» [13, с. 41]. **Прецедентное имя Ангел ЛЦ** (Лаодикийской церкви) из Откровения: «Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч!» (Откровение 3:15). Интересно, что в тексте вместо полного названия использована аббревиатура. Можно провести параллель между советским новоязом и обилием аббревиатур, особенно в обозначении организаций и учреждений. Образ Ангела Лаодикийской церкви репрезентирует деградацию и безразличие людей к духовной жизни, к настоящему искусству.

Нарратор обращается к нему еще раз: «*Это что, “данс макабр” что ли? Она читает Натали Саррот и Андрея Белого. Ее тянет к “Носу” Гоголя. Не с ее носом. Принцесса, но курносая. Она не любит бессильных мужчин. Она терпеть не может слабых людей. И Ангелу Лаодикийской церкви написал Товарищ Бог Ослов*» [13, с. 110].

Лаодикийская церковь, упоминаемая святым Иоанном Богословом в Откровении 3:14, обличается за недостаток горячности веры и земные пристрастия. Претекст: «И Ангелу Лаодикийской церкви напиши: так говорит Аминь, свидетель верный и истинный, начало создания Божия: знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч!» (Откровение И. Богослова 3:14).

Нарратор создает интеллектуальный литературный коллаж из прецедентных имен и библионимов, которые в свою очередь являются маркерами смысловых слоев фрагментарного повествования. Это не описание человека или образа, а проекция этого образа в сознании нарратора.

Прецедентные имена и библионимы создают литературный смысловой слой. Литературные и культурные коды перемешиваются и предоставляют читателю возможность достроить смысловые связи. *Danse macabre* (1874) («Пляска смерти») – это обращение к аллегорическому сюжету европейской средневековой ортодоксально-церковной и ритуально-фольклорной культуры и отсылка читателя к симфонической поэме французского композитора К. Сен-Санса по стихотворению «Равенство, братство» (*Égalité-Fraternité*) А. Казалиса, в котором описывается ночной танец скелетов на кладбище под аккомпанемент скрипача-Смерти. Лаодикийская церковь и пляска смерти выступают в роли метафоры современной Улитину эпохи, когда часть классического искусства не признавалась официально, а все новое и прогрессивное подавлялось, часть культуры была мертва для зрителей и читателей.

Одной из особенностей авторской стратегии Улитина является создание многослойного фрагментарно-ассоциативного нарратива, в котором одно то же прецедентное имя относится к разным культурным кодам, разным текстам и ситуациям: «*Ни ассонансов ни аллитераций. Просто здорово*

¹ Претекст:

Гул затих. Я вышел на подмостки.

Прислонясь к дверному косяку,

Я ловлю в далеком отголоске,

Что случится на моем веку.

На меня наставлен сумрак ночи

Тысячью биноклей на оси.

Если только можно, **Авва Отче,**

Чашу эту мимо пронеси.

Я люблю твой замысел упрямый

И играть согласен эту роль.

Но сейчас идет другая драма,

И на этот раз меня уволь.

Но продуман распорядок действий,

И неотвратим конец пути.

Я один, все тонет в фарисействе.

Жизнь прожить – не поле перейти.

звучит. *“Пир Бальтасара”* у Ольги Чуминой лучше, чем у Байрона. Это как перевод на французский язык у поэта. И ничего не теряется. Это как карманный формат *“Нового мира”*. И ничего не теряется» [13, с. 87].

Прецедентное имя Балтасар (Валтасар – последний царь Вавилона) как символ падения Вавилона упоминается в Ветхом Завете, Книга Даниила 5: 1. Устроив пир, посвященный вавилонским богам, Валтасар приказал принести драгоценные сосуды, взятые из Иерусалимского храма. Во время пира на стене появилась рука, писавшая слова, обращенные к Валтасару. Смысл послания смог объяснить пророк Даниил, который еще при царе Навуходоносоре был известен даром толкования снов царей. Послание гласило: «И ты, сын его Валтасар, не смирил сердца твоего, хотя знал все это; но вознесся против Господа небес, и сосуды Дома Его принесли к тебе, и ты и вельможи твои, жены твои и наложницы твои пили из них вино, и ты славил богов серебряных и золотых, медных, железных, деревянных и каменных, которые ни видят, ни слышат, ни разумеют; а Бога, в руке Которого дыхание твое и у Которого все пути твои, ты не прославил. За это и послана от Него кисть руки и начертано это послание. И вот, что начертано: МЕНЕ, МЕНЕ, ТЕКЕЛ, УПАРСИН» (Кн. Даниила 5: 22–25).

Этот сюжет лежит в основе стихотворения Дж. Байрона «Еврейские мелодии 17. Видение Валтасара» (Vision of Belshazzar). Нарратор сравнивает оригинал Байрона и перевод Ольги Чуминой «Пир Валтасара», который «просто здорово звучит», таким образом, он ссылается сразу на три текста.

В книге повторно упоминается Валтасар: *«В Оксбридже 4 года было потрачено на то, чтобы привыкнуть к новому произношению старых имен. И Валтасар, и Анадиемена, и Навуходоносор казались новыми людьми. Новые персонажи только на новый взгляд кажутся новыми»* [13, с. 88].

Интересно, что Улитин использует два варианта прецедентного имени: *Бальтасар*, более характерный для западной традиции, и *Валтасар*, более распространенный в восточной Европе. В примере упоминается еще одно ветхозаветное прецедентное имя Вавилонского царя **Навуходоносора**, осадившего и ограбившего Иерусалим и Иерусалимский храм, при этом еврейский народ и царь Иехония были отведены в плен в Вавилон. В англоговорящих странах его называют *Nebuchadnezzar II*, поэтому нарратор отмечает «новое произношение старых имен» в «Оксбридже». Разные варианты чтения прецедентных имен являются способом показать диалог русской и западной культуры.

В произведении П. Улитина были обнаружены упоминания **прецедентных текстов**: Ветхий Завет и Новый Завет, входящие в состав Библии. Нарратор использует два созвучных слова, проти-

воставляя материальное духовному: завещание (термин из области гражданского права, обозначает одностороннюю сделку относительно материальных вещей) и завет (духовное или моральное обязательство): *«А куда ж делось это завещание? И почему два? Одно ветхое, другое новое. Два завета. Ушел. Ушел! Ушел!! УШОЛ Не в первый раз. Но может и в последний. И ОНОГО ДАТЬ НЕ МОЖЕМ ПОЕЛИКУ НЕ ИМЕЕМ»* [13, с. 94].

Ветхий и Новый Завет описывают отношения Бога с человечеством: Ветхий Завет содержит историю творения и пророчества, а Новый повествует о жизни, учении и жертве Иисуса Христа, спасении и жизни первых христиан. В христианской традиции Бог спускался на землю в воплощении Иисуса Христа, также в Ветхом Завете упоминается явление Бога (Яхве) и ожидается его «второе пришествие». В тексте Улитина нет надежды на возвращение того, кто ушел, нет надежды на лучшие времена.

Используя прецедентные высказывания, нарратор иносказательно говорит о распространении идей и жертве тех, кто этому способствовал: *«Эпиграф тот же: а если умрет, то принесет много плода. Если падшее зерно не прорастет, то библейская традиция пойдет дальше и будет выслушивать от кого-то еще: комедиантка, страдальца, великомученица, вы думаете, это и значит выражаться библейски? <...> Он лучше всех умеет затачивать острые концы, но иглозное ушко – не его специальность. Нет возврата к старым воплям. Мороз тот же?»* [13, с. 107].

Претекст **прецедентного высказывания** – Евангелие от Иоанна 12:24: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрёт, то останется одно; а если умрёт, то принесёт много плода». В этой притче Иисус Христос, предсказывая Свою смерть в образе падшего зерна, предвосхищает приумножение верующих в Него среди еврейского народа и язычников, явление Своей Силы через Свое воскресение.

Еще одно **прецедентное высказывание** сокращено до словосочетания «игольное ушко», в Библии (Мф. 19:24, Мк. 10:25, Лк. 18:25) это образное сравнение, иллюстрирующее, как трудно богатым людям, возложившим свою надежду на богатство, войти в Царство Божие: «удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие». Христос призывает верующих своими талантами (любовью к окружающим, способностями) и богатством служить Ему, помня подвиг Христа, отдавшего все для спасения людей. В тексте Улитина оно относится ко всем писателям, которым выразить свои идеи и опубликовать свои книги было так же сложно, как «пройти сквозь игольное ушко». Со временем интерес к неопубликованным или запрещенным книгам возрастает, и, возможно, они станут популярны после смерти их авторов.

Библейские прецедентные высказывания оказываются вплетены в исторический контекст: «Перед судом истории /вечно с вами какая-нибудь история!/: в замысле и в результате и на взгляд младенца **уста́ми младенцев глаголет великий язык кинематографа Авэ / ? / Мариа! Моритури те салютант!**» [13, с. 108].

Трансформированное **прецедентное высказывание** «уста́ми младенцев глаголет» (претекст: «Иисус же говорит им: да! Разве вы никогда не читали: “из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу”»? (Евангелие от Матфея 21: 16). Фраза описывает сцену входа Иисуса Христа в Иерусалим на осленке, сопровождаемого восклицаниями и хвалой детей, которые известны своей непосредственностью, искренним выражением своих мыслей, а также Христос напоминает, что из уст маленьких детей может быть провозглашена великая истина.

В. И. Ленин считал кино «важнейшим из искусств» [15, с. 19]. Кинематограф использовался в целях пропаганды, и искусство, в том числе кино, превратилось в инструмент идеологического воздействия на людей. П. Улитин сокращает высказывание и употребляет вместо слова «хвалы» словосочетание «великий язык кинематографа», что намекает на возможность обладающих властью людей «устроить хвалу» самим себе, подменив кинематографом реальность для обезличенной инфантилизированной массы. Нарратор апеллирует к суду истории, которому предстоит позже отличить одно от другого.

Прецедентное высказывание «Авэ Мариа!», произнесенное Архангелом Гавриилом (Евангелие от Луки 1: 28) и праведной Елисаветой (Евангелие от Луки 1:42), родившей пророка Илью, является Богородичной молитвой в католицизме и соответствует молитве в православии «Богородица Дева, радуйся!». В тексте смешиваются два высказывания «Ave Maria!» и «Ave Caesar! Morituri te salutant!». Это два приветствия, одно обращено Архангелом к божественной сущности, второе произносили гладиаторы, приветствуя земного владыку (Цезаря). Внедрение новой идеологии через кино предстает как ложное благоговение, кощунственная подмена священного события. Публика, принимающая этот новый «язык», становится толпой, принужденно приветствующей систему, которая ведет их к духовной гибели. Так, библейские прецедентные феномены в тексте Улитина становятся инструментом для вскрытия механизмов подмены истины, профанации веры и превращения искусства в орудие массового гипноза.

В этих условиях христианские добродетели оказываются иллюзией: «А дело одно. *И остается только дайджест в чужом архиве. Некрасиво. Надежда была. Вера была. А любовь была? Была и любовь. Вот чем обернулось возвращение*» [13, с. 122].

В Библии вера, надежда и любовь – это три центральные христианские добродетели, претекстом высказывания является стих из Коринфянам 13:13: «А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше». В произведении прецедентное высказывание изменено: и вера, и надежда, и любовь были когда-то там, в прошлом. Это констатация краха, в настоящем их больше нет, и остается только «дайджест в чужом архиве». Этот дайджест и есть текст Улитина, эти осколки, фрагменты и обращения к другим текстам – единственное, что он может спасти, пусть даже сохранив «в чужом архиве».

Выводы

В произведении «Макаров чешет затылок» П. Улитина были обнаружены все виды прецедентных феноменов: имена (Мария, Валтасар, Навуходоносор, Понтий Пилат, Лаодикийская церковь), тексты (Новый и Ветхий Завет), ситуации и высказывания в трансформированной, сокращенной форме, актуализирующиеся в тесной связи между собой. Апелляция к библейским прецедентным феноменам выражает субъективное отношение нарратора к творчеству писателя. Он говорит о потере ориентиров («Кво вадис?»), о жертвенной природе служения искусству (Понтий Пилат, чаша), о духовной бедности официального искусства (Лаодикийская церковь), о связи культур (разное звучание прецедентных имен), о стремлении быть честным с собой и говорить об истине («много плода»), о распространении идеологии через искусство («уста́ми младенцев глаголет великий язык кинематографа») и полной безысходности («Надежда была. Вера была. А любовь была? Была и любовь»). Прецедентные феномены из Библии являются частью авторской стратегии, Улитин создает «скрытый сюжет», используя «чужое слово», то, что уже было сказано и написано.

Когда в тексте встречаются отсылки к Библии, речь идет о чем-то глубоком и настоящем в мире «халтуры». Но говорить об этом не просто, каждая отсылка оказывается трансформированной, усеченной. Библейский код используется не для утверждения веры, а для фиксации ее отсутствия. Таким образом, нарратор обращается к Библии как к способу выразить невыразимое: не присутствие Бога, а оглушительность его молчания, не торжество истины, а тошноту от лжи, не пребывание любви, а мучительную ясность ее ухода. Прецедентные феномены из библейских текстов диагностируют духовную болезнь эпохи через ее неспособность вместить исконные смыслы (любовь, жертвенность, надежда, искупление, вера).

Литература

1. Breck, J. The Shape of Biblical Language: Chiasmus in the Scriptures and Beyond / J. Breck. – N. Y. : St. Vladimir's Seminary Press, 1994. – 387 p.

2. Alter, R. Canon and Creativity: Modern Writing and the Authority of Scripture / R. Alter. – New Haven : Yale Univ. Pr., 2000. – 198 p.
3. Phillips, G. Biblical Studies and Intertextuality: Should the work of Genette and Eco broaden our horizons? / G. Phillips // *The Intertextuality of the Epistles: Explorations of Theory and Practice*. – Sheffield, 2006. – P. 36–45.
4. Liptak, R. Coming to Terms with Intertextuality: Methodology Behind Biblical Criticism Past and Present / R. Liptak. – Pretoria : University of Pretoria, 2006.
5. Phillips, G. Sign / Text / Difference. The Contribution of Intertextual Theory to Biblical Criticism / G. Phillips // *Intertextuality*. – New York : de Gruyter, 1991. – P. 79–97.
6. Мемориальный сайт Улитина в составе Русской виртуальной библиотеки. – URL: <http://rvb.ru/ulitin/index.html> (дата обращения: 20.09.2025).
7. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 261 с.
8. Гудков, Д. Б. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний / Д. Б. Гудков, В. В. Красных, И. В. Захаренко, Д. В. Багаева // *Вестник Московского университета*. – Серия 9. Филология. – 1997. – № 4. – С. 106–117.
9. Нахимова, Е. А. О критериях выделения прецедентных феноменов в политических текстах / Е. А. Нахимова // *Известия УрГПУ. Лингвистика*. – 2004. – Вып. 13. – С. 166–175.
10. Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. – М. : Гнозис, 2003. – 288 с.
11. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М., 2003. – 375 с.
12. Барышникова, Д. В. Поэтика и художественные стратегии П. П. Улитина в контексте литературы московского концептуализма 1960–1970-е гг. / Д. В. Барышникова // *Пригов и концептуализм*. – М. : НЛЮ, 2014. – С. 282–287.
13. Улитин, П. П. Макаров чешет затылок / П. П. Улитин. – М. : Новое издательство, 2004. – 174 с.
14. Сирин, Е. О страстях. Азбука веры. Православная библиотека / Е. Сирин. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Efrem_Sirin/tvorenia/15 (дата обращения: 20.01.2026).
15. Болтянский, Г. М. Ленин и кино / Г. М. Болтянский. – М., 1925. – 96 с.

Кириякова Елена Маратовна – старший преподаватель кафедры иностранных языков, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: kiriakovaem@susu.ru. ORCID 0000-0002-6093-2091

Распаева Гульжан Джамбуловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: raspaevagd@susu.ru. ORCID 0000-0002-1922-9345

Поступила в редакцию 18 мая 2026 г.

DOI: 10.14529/ssh260310

BIBLICAL PRECEDENT PHENOMENA IN THE PROSE OF PAVEL ULITIN (BASED ON THE BOOK MAKAROV SCRATCHES THE BACK OF HIS HEAD)

E. M. Kiriakova, G. D. Raspaeva

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

This article analyzes biblical precedent phenomena in the book *Makarov Scratches the Back of his Head* by Pavel Ulitin, one of the less studied writers. Using the theory of precedent and intertextuality, the authors analyze the transformations of biblical names, sayings, texts, and situations in Ulitin's associative and fragmented narrative. They identify all types of precedent phenomena originating from the Bible: precedent names (Pontius Pilate, the Virgin Mary, Belshazzar, Nebuchadnezzar, and others), texts (the Old and New Testaments), sayings, and situations that contribute to revealing the central theme of the book – the fate of the writer under persecution for ideas violating censorship. The analysis is based on descriptive methods, contextual analysis, and other methods. The study concludes that biblical precedent phenomena become an integral component of the associative and fragmented narrative. They are part of the cultural code and a mechanism for intercultural communication, linking readers to works of Russian

and foreign literature, and reflecting the theme of selfless dedication to art and the confrontation between the writer and the system. Thus, biblical precedents become an essential feature of the author's strategy, assisting the reader in better comprehending the author's intent.

Keywords: Pavel Ulitin, postmodernism, Christianity, precedent phenomena, the Bible.

References

1. Breck J. The Shape of Biblical Language: Chiasmus in the Scriptures and Beyond. New York: St. Vladimir's Seminary Press, 1994. 387 p.
2. Alter R. Canon and Creativity: Modern Writing and the Authority of Scripture. New Haven: Yale Univ. Pr., 2000. 198 p.
3. Phillips G. Biblical Studies and Intertextuality: Should the work of Genette and Eco broaden our horizons? // *The Intertextuality of the Epistles: Explorations of Theory and Practice*. Sheffield, 2006. P. 36–45.
4. Liptak R. Coming to Terms with Intertextuality: Methodology Behind Biblical Criticism Past and Present. Ph.D. Thesis. Pretoria: University of Pretoria, 2006.
5. Phillips G. Sign / Text / Difference. The Contribution of Intertextual Theory to Biblical Criticism // *Intertextuality*. New York: de Gruyter, 1991. P. 79–97.
6. Memorial'nyy sayt Ulitina v sostave Russkoy virtual'noy biblioteki [Memorial site of Ulitin in Russian online library]. URL: rvb.ru/ulitin/index.html (date of accessed: 20.09.2025).
7. Karaulov J.N. Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost [The Russian Language and Linguistic Personality]. Moscow: Science, 1987. 261 p.
8. Gudkov D.B., Krasnykh V.V., Zakharenko I.V., Bagaeva D.V. Nekotorye osobennosti funktsionirovaniya pretsedentnykh vyskazyvaniy [Some Peculiarities of Precedent Utterances Functioning] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*. 1997. № 4. P. 106–117.
9. Nakhimova E.A. O kriteriyakh vydeleniya pretsedentnykh fenomenov v politicheskikh tekstakh [On Criteria for Identifying Precedent Phenomena in Political Texts] // *Izvestiya UrGPU. Lingvistika*. 2004. T. 13. P. 166–175.
10. Gudkov D.B. Teoriya i praktika mezhkulturnoy kommunikatsii [Theory and Practice of Cross-Cultural Communication]. Moscow: Gnozis, 2003. 288 p.
11. Krasnykh V.V. "Svoy" sredi "chuzhikh": mif ili realnost? ["Our Own" among "Strangers": Myth or Reality?]. Moscow, 2003. 375 p.
12. Baryshnikova D.V. Poetika i khudozhestvennye strategii P.P. Ulitina v kontekste literatury moskovskogo kontseptualizma 1960–1970-e gg. [Poetics and Artistic Strategies of P.P. Ulitin in the Context of Moscow Conceptualist Literature (1960s–1970s)] // *Prigov i kontseptualizm*. Moscow: NLR, 2014. P. 282–287.
13. Ulitin P.P. Makarov cheshet zatylok [Makarov Scratches His Head]. Moscow: New Publishing House, 2004. 174 p.
14. Sirin E. O strastyakh. Azbuka very. Pravoslavnaya biblioteka [On Passions. Alphabet of Faith. Orthodox Library]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Efrem_Sirin/tvorenia/15 (date of accessed: 20.01.2026).
15. Boltyansky G.M. Lenin i kino [Lenin and Cinema]. Moscow, 1925. 96 p.

Elena M. Kiriakova – Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: kiriakovaem@susu.ru

Gulzhan D. Raspaeva – Cand. Sc. (Philology), Associate Professor of the Department of Foreign Languages, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: raspaevagd@susu.ru

Received May 18, 2026

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Кирякова, Е. М. Библейские прецедентные феномены в прозе Павла Улитина (на материале книги «Макаров чешет затылок») / Е. М. Кирякова, Г. Д. Распаева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2026. – Т. 26, № 3. – С. 87–93. DOI: 10.14529/ssh260310

FOR CITATION

Kiriakova E. M., Raspaeva G. D. Biblical precedent phenomena in the prose of Pavel Ulitin (based on the book *Makarov scratches the back of his head*). Ser. *Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 3, pp. 87–93. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260310